

Пою, чтоб слышать звук живой

АНТОЛОГИЯ

Евгений ЕВТУШЕНКО

До самой смерти и даже посмертно Ершов находился под подозрением, что «Конька-Горбунка» написал не он, а Пушкин.

Одним из главных доказательств был и остается риторический вопрос: почему все другие произведения Ершова лишены малейшего проблеска таланта.

Однако кому бы я ни зачитывал одно восьмистишие Ершова, никто не мог догадаться, кто его автор. Называли Тютчева, Баратынского, даже Анненского, но никто не упомянул колющее простенькое имя «Ершов».

Но разве можно, не будучи поэтом, написать такой шедевр, как ершовское «Одиночество» (1860-е годы):

Враги умолкли — слава Богу.

Друзья ушли —

счастливым путем.

Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управляюсь как-нибудь.

Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

Если бы Ершов написал только одно это стихотворение, его нельзя было бы не включить в антологию. И оно-то косвенно подтверждает ершовскую подпись под «Коньком-Горбунком», ибо незаурядность, выраженная хотя бы однажды, всегда неслучайна.

Тем не менее в ершовское авторство «Горбунка» многие не верят до сих пор. По свидетельству книгоиздателя Смирдина, на коего любя ссылаются, Пушкин приложил руку к зачину сказки. Но руку-то он приложил к уже готовой вещи, восторженно прочитанной профессором Плетневым в 1834 году вместо лекции на философско-юридическом факультете Петербургского университета. Студенты отбили ладоши, приветствуя дебютную поэму своего 19-летнего одноклассника. Никакого потаенного сговора у Плетнева с Пушкиным не могло быть по той причине, что Александр Сергеевич с лицейских времен был общеизвестен полным неумением хранить секреты. Но если у многих литераторов зависть всегда была наготове, то неразлучной подружкой нашего курчавого неумца была доброжелательность. Предполагаю, что стоило Пушкину раскрыть рукопись неведомого ему Ершова, — и его сразу пленила грациозность стиха. А вот когда Пушкин увидел огрехи в этой столь понравившейся ему вещи, он наверняка тут же мог что-то исправить. Он же был не только прирожденным поэтом, но и прирожденным редактором.

А то, что Ершов, представший в «Горбунке» изощренным балагуром, обделен чувством юмора в других сочинениях, тоже неправ-

«МН» ОТКРЫВАЕТ ПЕРСОНАЛЬНУЮ РУБРИКУ ИЗВЕСТНОГО ПОЭТА, В КОТОРОЙ ОН БУДЕТ РАССКАЗЫВАТЬ О САМЫХ ЯРКИХ ГЕРОЯХ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПАРНАСА. ПЕРВЫЙ ИЗ НИХ — АВТОР «КОНЬКА-ГОРБУНКА» ПЕТР ЕРШОВ

Рыба-кит — лучшая метафора российской истории

да. Вот вам еще неопровержимый пример искрометной одаренности Ершова:

Не забыта мать Россия
У небесного царя.
Всюду реки медовые
И молочные моря.
И богатым и убогим
Пир готов на каждый день.
Дело только за немногим:
Ложку в руки взять нам лень!

Тут-то и Александр Сергеевич мог бы воскликнуть:

— Ай да Ерш Ершович, ай да сукин сын!

Но написано это, видимо, когда Пушкина уже не стало.

Уникальность «Конька-Горбунка» в том, что он вышел из фольклора и вернулся в него. Язык ершовской сказки, который пуристы упрекали в неуклюжести, был естественен, как медвежья косолапистость.

Гениальный раблезианский портрет кита — метафора Российской империи: «Все бока его изрыты, // Частоклы в ребра вбиты, // На хвосте сыр-бор шумит, // На спине село стоит, // Мужички на губе пахнут, // Между глаз мальчишки пляшут, // А в дубраве, меж усов, // Ишут девушки грибов».

Страдания этого чуда-юда происходят не только от страшной тяжести шумного груза. Страдания кита-империи — ото всего, что бессмысленно проглочено им и терзает его непомерно раздувшу-

юся утробу. Чудо-юдо наконец изрыгает из себя все, что столь необдуманно проглотило, и на земле происходит нечто вроде нового потопы.

В этом можно усмотреть предстоявший почти через полвека после смерти Ершова первый конец Российской империи, а затем, че-

коноязы. Дескать, Александр Сергеевич договорился с Плетневым о том, чтобы подсунуть эту сказку юному студенту-почитателю с невинным в глазах власти именем и напечатать от его лица зашифрованную антиимперскую крамолу. Но они позабыли, что сам Ершов уже неизлечимо хлебнул пушкинского воздуха. И сколько бы вокруг него ни терлись всякие конокрады, пытавшиеся оседлать Конька-Горбунка, великий сказочник их перелукавил своим побегом из Петербурга в провинцию.

А родился он еще сказочней. Трое предыдущих ребятишек из семьи губернского секретаря Павла Ершова умирали один за другим. Мать вспомнила старинное поверье: надо младенца «продать нищему», чтобы тот унес его хворь. Так и сделали, и будущий автор «Конька-Горбунка» выжил.

Пете Ершову повезло, что в Тобольске гимназическим преподавателем был И. П. Менделеев, отец великого химика, учивший не только химии, но и свободолению. Переехав в Петербург, Петя старался улизнуть с лекций по русской словесности к самой словесности. По рукам студентов тогда ходили и нелегальные стихи Пушкина, посвященные декабристам, поэтому трактовка Ершовым империи как чуда-юда, которое освободится от бед, лишь освободив все, что им проглочено, не была случайной. Вот что писал юный идеалист Ершов в 1835 году: «Какая цель! Пустыни, степи Лучом гражданства озарить, Разрушить умственные цепи И человека сотворить»...

Страдания кита-империи — ото всего, что бессмысленно проглочено им

рез век с лишним, и второй ее конец, когда немногие уцелевшие в ГУЛАГе, в страшном чреве тоталитарного Левиафана, все-таки были неохотно выхарканы на волю, а превратившиеся в лагерную пыль — вычиханы. У Ершова это подсознательно вырвется в сатире «Нос» (1858): «О нос! О член высококородный! // Лица почетный гражданин! // Физиономии народной! // Трибун, глашатай, верный сын! // По непонятной воле рока // Ты долго, долго и глубоко // Дремал в пыли, забвен и сир. // Но днес судьбой того ж устава // Ты должен пыль счихнуть со славой! // И удивить величьем мир».

Некоторые исследователи, поняв лишь первую часть метафоры, вновь старались прикрутить Конька-Горбунка к пушкинской

«Мой первый друг, мой друг бесценный...» Поссорить Пушкина после его смерти с благословленным им Ершовым не удалось.

У меня до сих пор перехватывает дыхание от необъяснимо магнетических строк:

Здравствуй, Месяц Месяцовой!

Я — Иванушка Петрович...

Это — как ладанка, хранимая мной с детства. А кто выиграл Великую Отечественную? Не Василий ли Теркин, кого гитлеровские стратеги считали Иваном-дураком, забыв, какие мудрые советы нашептывает в окопе колхозному безлошаднику призрак конфискованного во время коллективизации его Конька-Горбунка?!

Да разве у всех вываренных в кипящих котлах истории русских людей, воспитанных на этой сказке, не сохранилось достоинство непорочности, постепенно превратившееся в негибкую гордость новой породы — разночинской интеллигенции, из которой вышли Андрей Платонов, Петров-Водкин, Солженицын, Веничка Ерофеев?

Конек-Горбунко вывез их к мировой славе, куда не доезжал своего создателя. Но разве только русская слава — это так уж мало?

Ершов, создатель «Горбунка», в горячке после сквозняка спасен ценою медяка был еще в детской люльке. Поверье русское гласит: тот не спасет, кто слишком сыт, чьи слишком в сале руки. Владетель всех большущих тыщ бессильней тех, кто гол и нищ, спит в бочках без вина и дщи, а чаще — в околоте, но если при смерти малыш, так нахари-находки за иззеленный пятак, хоть за горбушку, хоть за так спасут и от чахотки.

Чем нищий для детей хорош? Он унесет за медный грош любую хворь младенца, всю воплящего «Агу!», хоть в дождь, хоть в ливень, хоть в пургу в холщовом полотенце.

Звалась такая благодать: ребенка нищему продать. Ребенок будет с вами, но боль его, как сирота, сроднившись с нищим неспроста, прильнет, как будто дочь Христа, к теплу нагрудного креста за пазухой, как в храме.

Пацан со станции Зимы, а выжил на любви взаимой ради такого века, где спасены мы от чумы, и от сумы, и от тюрьмы, где лекари друг другу — мы, а нищий — кто не лекарь.